

русская певица, итальянец и румынский тенор. И каждый — на родном языке. Одеситы просто падали на пол в партере, так это было смешно...

На Канаве жила одна гольтьба, оставшиеся без отцов пацаны всех возрастов образовывали банды. Когда они шли снизу вверх, направляясь в скверик у оперного театра, который назывался Пале-Рояль, улица пустела. Впереди шел главарь Костя-капитан, он носил фуражку с «крабо» и тельник. По дороге к скверу банда разбивала все лампочки. Если в Пале-Рояль забредал какой-нибудь поздний прохожий, выходил он оттуда в одних кальсонах. Это обязательно.

Каждый раз, когда я шел в школу мимо Канавы, на углу меня поджидал рыжий переросток, отбирал завтрак — котлетку с хлебом — и пожирал все на моих глазах, а я шел в школу и голодал! Поэтому до тридцати трех лет мой живой вес составлял 47 килограммов. Иногда мама говорила: «Не могу, я должна хотя бы увидеть того, кто съедает твоё питание...» — и шла со мной. Однако в эти дни в подворотне конечно же никого не оказывалось...

Отец был заядлым футболистом, после войны работал футбольным судьей и часто брал меня на матчи. Там я впервые увидел легендарного Злочевского. Говорили, что на правой ноге у него наколка: «Правой не бить! Смертельный удар!» И вот, это было в четвертом или пятом классе, я нашел дома отцовскую судейскую форму — бутсы, трусы, майку, надел все это, прихватил свисток и двинул в школу. Иду в огромных бутсах, как на копытах, ноги разрезаются, трусы спадают, рукава майки свисают, во рту свисток! Добрался я примерно к третьему уроку; вся школа сбежалась, уроки сорвались, от смеха все аж заходятся. В класс меня не пустили, и я слонялся по коридору, как полный идиот. Прибежал бледный отец (он обнаружил пропажу, когда собирался идти судить матч), раздал меня догола и ушел... Как раз в это время прозвенел звонок. Хорошо, что это была мужская школа. Уборщица тетя Маня дала мне свой халат, в котором я и вернулся домой...

В девятом классе нас соединили с девushками. Прасковья Григорьевна, директор, — вес сто тридцать кило — меня обожала, но била. Как даст по шее, и я улетаю в дальние страны... Когда фотограф отдал нам выпускные снимки, она

Иду в огромных бутсах, как на копытах, трусы спадают, во рту свисток. В школу добрался только к третьему уроку

Родился я в Одессе, но с двух до семи лет жил в Омске, в эвакуации, с мамой, тетей и Второй обувной фабрикой. Помню, когда в канавах вдоль тротуаров собиралась грязь после дождя,

мы с братом вымазывались в ней с ног до головы и с криком: «Мы с фёнта пьехали!» — вбегали во двор. Тетка наказывала меня самым страшным способом — раздевала догола и купала во дворе! При всех! В тазу! Собирались все соседи, и девочки не отрывали от меня глаз — я уже тогда пользовался успехом... Отец в это время воевал и, когда он приехал в отпуск в Омск, я называл его на «вы»...

После войны Вторая обувная фабрика, где работала моя мама, вернулась в Одессу. Приезд бьи омрачен тем, что нашу квартиру занял боевой полковник — и окопался! Пришлось перебраться к тете в однокомнатную, где кроме нас уже жили пять семей с детьми. Спали на полу, на столах в кухне. Ночью раздавался оглушительный храп, днем ели стоя, с рук... Мама была секретарем парторганизации фабрики, но, даже несмотря на это, полковник нашу квартиру не освобождал.

Отец вернулся домой только в 1946-м. Сутки рассказывал о пребывании в трех концлагерях, откуда три раза бежал! Его уже в третий раз вели на расстрел, но он отдал конвойному свое обручальное кольцо, и немец его отпустил. Мне было семь лет, но я помню плач всех слушающих папин рассказ. Больше он никогда к этому не возвращался, никогда не надевал наград...

После мужского разговора отца с полковником мы все-таки переехали в свою квартиру — отец родился на Молдаванке, и этим все сказано! Жили мы напротив знаменитого оперного театра, рядом с Дерibasовской и Приморским бульваром, недалеко от Привоза и моря... А поскольку дом стоял прямо между оперным театром и Канавой, то я по идее должен был стать либо бандитом, либо оперным певцом. Я стал завсегдатаем оперы: чтобы попасть на спектакль, лазал с сыном дворничихи через балкон прямо в дамский туалет театра. Я разбирался в опере, пересмотрел всех гастролеров — от Херля до Донатова. Помню, давали «Кармен» Бизе. В одном спектакле пели наша украинская знаменитость,

сокрушалась: «Ой! Как плохо я вышла!...» Я ответил: «Как в жизни...» И получил: «А это уже не смешно...» Пожалуй, тогда я впервые понял, что юмор — дело ответственное, пришел к ней в кабинет и попросил прощения...

— **С вами, можно сказать, скучать не приходилось...**

— Вот чего-чего, а скуки не было! В школе я выступал на всех школьных вечерах, мы с Толей Лаховецким играли скетчи, рассказ «Укушенный» Ардова. Хотел стоять!... Я изо всех сил старался оправдать свою кликуху Артист, поэтому после школы, само собой, пошел поступать в театральный... Но в приемной комиссии мне сказали: «Вы — готовый артист, вас нечему учить!» Ха! Я-то знал, что учить меня было чему, но увы... Первая и

вторая попытки поступить в театральное училище в Одессе не увенчались успехом, в армию меня по причине плохого зрения тоже не взяли, хотя я очень хотел. На приеме у окулиста я на «Ш» говорил «М», на «Н» — «Х», на «З» — «Б». Доктор жутко хохотал, приговаривая: «Пойдешь в пограничники или в снайперы?..» Забраковали меня с диагнозом «необученный и негодный». И с подачи родителей я пошел на швейную фабрику «Молодая гвардия» учеником наладчика швейных машин. Я мал ростом, но наставник, к которому меня прикрепили, был на голову ниже меня. Звали его Ёка. Когда он ходил по цеху между машинами, его совсем не было видно. Учил Ёка меня всему, чему угодно, только не специальности: как ушипнуть девушку-швею, как чинить ма-

Маленький Рома. 1 год

Когда Фурс забивал Яшину гол, Гроссман вскакивал на скамейку и орал: «Котя, моя семья признала тебя лучшим игроком мира!..»

шину, ненароком все время задевая девичью грудь, как, надевая ремень на трансмиссию, заглядывать под юбку... Но в конце концов я все-таки получил разряд и зарплату рублей пятьсот. Я был счастлив, однако, выступая на фабричных вечерах, критиковал начальство, за что и был вскоре сослан в другой цех на мизерный оклад (через два года уже получал 800). Все складывалось хорошо до того дня, пока в цех не заявился директор фабрики. Подойдя к одной из работниц, он что-то спросил, та не расслышала, тогда он как гаркнет: «Встань, королева!..» У женщины слезы из глаз брызнули. Меня затрясло от негодования, я подскочил к директору и тоже заорал: «Извинись, жлоб!..» За это меня судили товарищеским судом и уволили по статье. Правда, потом восстановили — за меня вступился весь цех, а через несколько лет директора расстреляли за миллионную растрату.

Еще я работал на модельно-обувной фабрике учеником заготовщика. Обувь пытался делать два года, но в продажу

она не попадала — вся шла на склад. Когда однажды я поинтересовался у директора, какую обувь он носит, мне предложили уволиться. Что я и сделал, перейдя наладчиком швейных машин на фабрику «Авангард». Там шили бюстгалтеры, наволочки, рукавицы для водопроводчиков и военную форму. Старший по смене Боря был страстным болельщиком СКА, я же болел за «Черноморец». В день матча мы с Борей с утра отправлялись на базарчик неподалеку от фабрики, покупали сало, яйца, скумбрию-качалочку, помидоры, лучок и обязательно шкалик — 250 граммов. Боря клал сало на сковородку и, когда оно начинало шкворчать, вбивал туда десяток яиц — это было самое вкусное блюдо в моей жизни. Футбол начинался в семь, но мы отправлялись на стадион в три часа дня. На нашем пути был знаменитый подвальчик-шашлычная «У тети Ути». Официантка Утя работала по принципу: одна нога здесь, другая — хромая, приговаривая: «Рыбки мои, шас всех облужу, всех обсчитаю...» Ох уж были и купаты, кото-

рыми Утя нас потчевала! Моим врагам... Но тогда эта стряпня казалась потрясающей, мы запивали ее дешевым крепленым вином, и часов в шесть, обливаясь потом и сплевывая неразжеванные куски купат, уходили. Без четверти семь на стадионе появлялся Гроссман — знаменитый одесский болельщик, маленький, толстенький, со слезящимися глазками. У него было постоянное место на все матчи. Когда Костя Фурс обходил Рябова из московского «Динамо» и забивал Яшину гол, Гроссман вскакивал на скамейку и орал: «Котя, моя семья признала тебя лучшим игроком мира!..»

Закончив работу, я бежал в самодеятельность — на швейную фабрику, в ДК моряков или в ДК промкооперации. В ДК моряков выступал в эстрадном коллективе — надевал маску-нос и исполнял миниатюры «Сон и сновидения», «Парикмахерская». Однажды заболел исполнитель небольшого эпизода, и меня попросили сыграть в спектакле его роль — немца Шмульке. По сюжету фашист допрашивает русского матроса Когана, тот вырывается и бьет меня по голове с криком: «Смотри, как умирает русский матрос!..» В этот момент Шмульке должен упасть. Я придумал себе смешное падение, как танец, и падал минут двадцать. Режиссер за кулисами уже кричит: «Падай, сволочь!..», а я все не могу угомониться. «Хватит, падай!..» — но публика смеется, я доволен. Тогда матрос Коган выхватывает у меня пистолет, подскакивает и стреляет в упор: на тебе, гад! «Немецкий офицер», стоявший рядом, тоже шибанул меня по голове. Я все равно продолжаю падать. С матросом Коганом просто истерика... Наконец я упал под оглушительные овации. Спектакль доиграли с трудом, а когда занавес опустился, ко мне подбежал режиссер и прошипел: «Чтобы я тебя больше не видел! Придурок! Бездарь...»

— В те годы в Одессе гремел студенческий театр миниатюр «Парнас-2»...

— «Парнас-2» был невероятно популярен. В этом театре играли Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко, Григорий Кофф, Александр Лозовский. После конфликта в ДК моряков я пришел именно туда. Из «Парнаса» как раз ушел Витя Ильченко, собрал свою труппу и ставил Чапека. Вначале я жутко зажимался: меня окружали люди с высшим образованием — инженеры, врачи, философы, а я

пришел буквально с улицы, с десятком классами. После очередной читки или репетиции покупалось вино, и все шли к кому-нибудь домой танцевать. Я был новенький, маленький, незаметный, и, только когда пригласил всех к себе в гости (в моем доме, на улице Ласточкина, сейчас японский ресторан, чтоб он сгорел!), меня заметили. В коммуналке нам принадлежала огромная комната — целых 44 метра! В нижней квартире жила дворничиха тетя Дуся, и когда гулянье было в полном разгаре, она врвалась к нам с криком: «Гамнюки! Вон отсюда! Интелигенты вонючие! Зараз позвоню в милицию!..»

В театре тогда ставили спектакль «Я иду по улице». Через год хождения на репетиции режиссер доверил мне сыграть роль трамвайного вора. Видимо, играл я смешно, поскольку на меня стали обращать внимание. Я разошелся и специально для этого спектакля придумал пантомиму с Давидом Макаревским — 150 килограммов веса против моих 47, которая называлась «Братья Макакац». На гастролях в Прибалтике и Ленинграде номер проходил «на ура». А я между тем все еще продолжал работать наладчиком на швейной фабрике за 1200 рублей в месяц... Миша Жванецкий, который до гастролей меня в упор не видел, стал де-

лать замечания по поводу моих импровизаций с текстом, кричал: «Я этого не писал!» А я и в самом деле, если не вставлю в миниатюру хотя бы одну свою фразу, считаю, что она не моя. Точнее, подобным образом делаю ее своей. Потом мы с Мишей подружились, ходили друг к другу в гости. Мои родители его обожали, а Мишина мама Раиса Яковлевна обожала меня. Когда я приходил к Мише, она не знала, куда меня усадить и чем накормить. Раиса Яковлевна была очень доброй и смешной, слушая чей-то рассказ, реагировала так: «Да? Да? Да-а-а! Что говоришь?! Не может быть?! Что ты говоришь!!! Ты сам видел?! Ай, ай, ай...» Я ни-

Закончив работу, я бежал в самодеятельность — на швейную фабрику, в ДК моряков или в ДК промкооперации (на фото — в ДК моряков)

Свадьбу мы с Викторией отметили впопыхах, не готовясь заранее. Жванецкий и Ильченко, конечно, присутствовали

когда не встречал такую любовь сына к матери... Раиса Яковлевна была Мише и матерью и отцом (Мишин отец рано умер).

После того как меня в очередной раз не приняли в театральный (смеялись, но так и не взяли — вы, дескать, испорчены!), я отправился в Москву поступать в цирковое училище на эстрадное отделение, оно было единственным в СССР. Кстати, это же училище закончил мой брат и стал знаменитым фокусником. Несмотря на огромный конкурс, первые два тура я прошел. Показал пантомиму, прочитал басню, исполнил монолог Жванецкого. На третьем туре надо было показать этюд на заданную комиссией тему. Этюд такой: изобразить ночного сторожа, который боится всего — шорохов, мышей, даже комаров. Я решил все сделать под музыку и сказал пианистке: следите за мной и играйте по состоянию. Но, только она брала аккорд и смотрела в мою сторону, с ней случалась истерика. Члены комиссии предложили мне пойти на клоунаду, но я отказался. И

поступил правильно, потому что в итоге меня в училище вообще не взяли. Нет, зачислить-то меня зачислили (я даже дал в Одессу телеграмму: «Мама, я в цирке!»), но через несколько дней пришел приказ отчислить двух человек, вылетел я и одна узбечка...

Я вернулся в Одессу совершенно разбитый и снова принялся за починку швейных машин. Через год к нам на гастроли приехал Аркадий Райкин. Я был на всех представлениях, Жванецкий тоже. Миша ходил то к Райкину, то к его жене Роме с просьбой посмотреть наш спектакль «Я иду по улице». С большим трудом уговорил, и Райкин после выступления часов в одиннадцать вечера пришел к нам в здание Русского драмтеатра. После спектакля мы спустились в зал, Аркадий Исаакович всех поблагодарил, сделал несколько замечаний и двинулся к выходу. Ко мне подошел конференсье Астахов, который был с ним знаком, и шепотом произнес: «Райкин ждет тебя завтра в одиннадцать в санатории Чкалова, только никому пока ничего не го-

вори...» А меня ну просто распирало от желания поделиться хоть с кем-нибудь столь потрясающей новостью! В час ночи я не удержался и сообщил об этом родителям, на что отец сказал: «Не морочь голову!...»

На следующий день в 11 утра я пришел в санаторий Чкалова. Райкин, Рома и директор театра втроем завтракали на веранде. «Сколько вам лет?» — поинтересовался директор. — «Двадцать два...» — «Вы женаты?» — «Нет». — «У вас есть в Ленинграде родственники?» — «Нет». — «А как вы смотрите, — спросил Райкин, — если мы пригласим вас в театр?» Я заикаясь ответил, что смотрю хорошо. Аркадий Исаакович добавил, что вопрос обо мне уже решен, но сейчас театр едет на гастроли в Румынию, и официальное приглашение я получу, когда труппа вернется. На следующий день я уволился с работы и стал ждать приглашения.

— **Долго пришлось ждать?**

— Целых пять месяцев. И вот наконец: «Приглашаем вас на работу в двадцатых числах ноября». По случаю отъезда отец

заказал мне в ателье «бельцовский» костюм цвета морской волны, черное драповое пальтишко и вдобавок купил модельные туфли. Приехав в Ленинград, я чуть не околел — в городе стоял двадцатиградусный мороз. Шел по Невскому до улицы Желябова, забегая в магазины и столовые погреться. Первой, кто встретил меня в театре Райкина, была Тамара Кушелевская. «Идиот, зачем ты приехал?!» — спросила Тамара.

Моя ленинградская эпопея продолжалась восемь с половиной лет. Зарплата — 88 рублей, из них 25 отдавал за жилье. Как-то я снял угол подешевле, но зато с клопами! Тысячи клопов, десятки тысяч! Простыни в клопиной крови, бессонные ночи, особенно белые — пропади они пропадом! Я перебирался с кровати на роаяль, стоявший в центре комнаты, и спал на нем. Утром собирал клопов и, чертыхаясь, выбрасывал их в окно с четвертого этажа. Но я все равно был счастлив — театральный Ленинград тогда был в расцвете. БДТ Товстоногова — молодые Юрский, Лавров, Лебедев, Смоктунов-

ральная», он водил меня в ресторан ВТО. Гуляли рубля на три. Зато рядом — Стриженов, Гриценко, Ролан Быков, Козаков, Высоцкий, Гердт. Крики: «Ты не актер, ты дерьмо!» — «А ты кто? Посмотри на себя, импотент эстрады...» Я слушал, смотрел и съедал по одиннадцать порций капустного салата.

— **А как в театре появился Ильченко?**

— В то время Райкин с Хазиным ставили спектакль «Волшебники живут рядом», и именно благодаря этой постановке в театре появились Витя Ильченко и Мила Гвоздикова. Спектаклю требовались два молодых волшебника, а молодых артистов в театре у Райкина не было. Приехав на гастроли в Одессу, я рискнул представить Витю и Милу (они тоже играли в студенческом театре «Парнас»). Оба очень понравились Аркадию Исааковичу, но актеры встретили Витю холодно, а Милу — настороженно. Все считали, что три одессита — уже чересчур.

Когда Райкин приехал с гастролями в Одессу, мои родители пригласили его на обед. Три дня до этого все жарилось,

Витю с Милой в театре Райкина встретили холодно. Все посчитали, что три одессита — это уже чересчур

ский, Борисов, Копелян, Луспекаев, Дороница, Попова, Стрельчик... Театр Акимов, Театр им. Пушкина — Симонов, Меркурьев... Глаза разбегались! Так что и мизерная зарплата, и клопы, и скромная еда — все было не так уж и важно. Завтрак я на рубль в молочном кафе «Ленинград», обедал в пирожковой на Невском (четыре пирожка и бульон)...

Помню свой первый выход на сцену — в миниатюрке во Дворце первой пятилетки. Мне укоротили чей-то костюм, блестящий в нескольких местах. Четырнадцать актеров становились в затылок, затем выходил Райкин, слушал спину последнего и говорил: «У четвертого сухой плеврит, остальные здоровы!» Так вот четвертым был я. От волнения так дрожали ноги, что казалось: я действительно болен... Тогда же Райкин предложил мне поменять фамилию — так из Каца я превратился в Карцева.

Мои первые гастроли проходили в Москве, в Театре эстрады. Гостиница, точные 2 рубля 60 копеек. Я жил с Валерой Харитоновым в гостинице «Цент-

шкварилось и фаршировалось. Райкин пришел один, но ел за троих — чтобы он так много ел, я видел в первый и последний раз. Фаршированная рыба, баклажаны трех видов, салат «оливье», форшмак, отбивные, селедка, скумбрия, бычки, затем жидкое (у нас дома сначала ели второе, потом первое, и так до сих пор. Когда я в московском ресторане заказывал «жидкое», никто не понимал, что это такое. Долго совещались, потом официант говорил: «Извините, сейчас у нас этого нет!») — бульон с «мондалах», фаршированная шейка, мороженое (потом мама собрала Аркадию Исааковичу с собой в санаторий то, что ему больше всего понравилось, — в Одессе такая традиция: не отпускать гостя с пустыми руками). А меня в это время ждала девушка, и я придумал повод удрать — пойти за хлебом (хотя на столе его было предостаточно). Аркадий Исаакович все понял и сказал: «Да! Сходи! И не торопись — выбирай свежий...»

В 1964 году Миша Жванецкий, увидев в спектакле «Избранные миниатюры»

что-нибудь другое...» — «Но что же?» — спросил Райкин и начал прямо по телефону читать ей короткие басни. «Ну вот и прекрасно», — сказала Фурцева. Как потом стало известно, одна из этих басен все равно испортила настроение кому-то из партийных бонз...

В Одессу я приезжал каждое лето. Однажды мне что-то ударило в голову, и я решил поразить Райкина. Весь месяц лежал на солнце — не играл в волейбол, не плавал — просто лежал и стал иссиня-черным. Когда вернулся в Ленинград, целый месяц меня... не пускали на сцену — пока не побелел. «Негров на работу не берем», — отрезал Райкин...

— **А как за границей принимали отечественный юмор?**

— Замечательно! «Авас» пользовался большим успехом, его перевели и на болгарский, и на венгерский. Мы с Витей перед гастролями всегда учили тексты на иностранном языке. В свое время мне даже предлагали поступить в Иняз — я с

Жванецкий писал много и хорошо, приносил миниатюры Райкину, а тот складывал их в сундук. Миша зверел

ресторане стоил рубль два), заказывал лапшу с курицей и при этом всегда скандалил на кухне: «Где лапша? Где курица?!» После разбирательства Миша выходил с тарелкой, в которой плавали три лапшинки и лежала лапка.

В то время Райкин работал с очень сильными авторами — Гиндиным, Рябкиным, Рыжовым (Гинряры) и не обращал внимания на тексты Жванецкого. Мы с Витей Ильченко начали потихоньку репетировать Мишины миниатюры. В очередной приезд в Москву, когда мы, как короли, жили в «Пекине», родилась миниатюра «Авас». Аркадий Исаакович разрешил нам ее сыграть на шефском концерте для солдат в Театре эстрады — потом Райкин и сам играл «Авас». Однажды он должен был выступить с этой миниатюрой на правительственном концерте. За полчаса до выхода ему позволила Фурцева и сказала, что «Авас» играть ни в коем случае нельзя, потому что в зале сам Мжаванадзе! «Ну что вы, — пробовал защититься Райкин, — при чем здесь это? Мы ведь говорим, что доцент — тупой, а грузин — нет!» — «Не знаю, кто у вас тупой, а играть нельзя! Выберите

ходу перенимаю любое произношение.

В первый раз выехав на гастроли за границу, в Чехословакию, я купил себе приличное пальто из букле с черным воротником и носил его лет десять. (Имея 42—44-й размер, я одевался в «Детском мире».)

Настоящий праздник наступил, когда мы с Райкиным поехали на гастроли в капстрану, в Англию, да еще на целых десять дней! Должны были выступить на Би-би-си. Посадка была в Париже, мы, советские, нашли тележку, уложили на нее свой багаж и под улюлюканье бастующих работников аэропорта сами тащили свои чемоданы, полные консервов и сухой колбасы... В Лондоне остановились в гостинице «Принц Уэльский». Перед уходом из номера основной задачей было спрятать кипятильник, хлеб и убрать крошки. Очень осторожно следовало обращаться с бычками в томате — от них всюду оставались пятна. Пустые консервные банки заворачивали в газету «Правда» и тайком выносили на улицу в урну. Меня поселили с одним пожилым актером. В один прекрасный день, не доев кусок сухой колбасы, он порубил ее на

Миниатюры, которые исполняли мы с Витей, на эстраде после нас не исполнял никто...

куски и выбросил в унитаз. Колбаса застряла в сливе, и все пошло назад!.. Мы потом еще долго собирали все обратно в туалет.

Сосед мой оказался большим оригиналом: вместо «литл» говорил «литр» и очень боялся брать ключ у портье — мы жили в 322-м номере, и произносить «ери ту ту» он стеснялся. Гостиница была старая, туалет в коридоре; как-то он выскочил ночью по нужде, а дверь номера закрылась (я в это время бродил по ночному Лондону с нашими актрисами). Бедняга в трусах метался по коридору, где никого, кроме ошалелых туристов, не было, не в состоянии ничего объяснить. В конце концов его забрали в участок. Когда все разъяснилось, полицейские жутко смеялись. После этого случая, выходя в туалет, он клал под дверь ботинок... Помню, нас тогда поразило, что англичане оставляли ботинки в коридоре отеля. Возле каждого номера стояли великолепные туфли — бери не хочу! И вдруг в гостиницу въезжает Ансамбль песни и пляски Черноморского флота — человек сорок. Через полчаса после заселения в «Принце Уэльском» погас свет —

40 кипятильников одновременно врубилась в сеть. Потом руководитель ансамбля дал команду включать сразу не больше двух кипятильников... Как-то, помню, англичане курят в холле сигары и смотрят телевизор. Вдруг появляются двое «черноморцев». «Коля, а ну переключи!» — Коля покрутил ручку телевизора: «Да ничего интересного...» У англичан сигары изо рта выпали, а наши как ни в чем не бывало спокойненько ушли в номер.

— Кажется, вы не раз уходили от Райкина?

— В первый раз я ушел в 1967 году. Райкин наконец обратил внимание на Жванецкого и поставил спектакль «Светофор», восемьдесят процентов текстов к которому написаны Мишей. Однажды, когда мы с Витей репетировали миниатюру «Школа», из зала прозвучало холодное: «Стоп!» «Что это?» — спросил Райкин. «Импровизация!» — ответили мы. — «И вы думаете, это смешно?» — «Смешно...» — ответил я, как всегда не думая. — «Выходит, вы юмор понимаете лучше всех, лучше меня?» — «Выходит, так!..» — ответил я и подал заявление об уходе.

Униженный и оскорбленный самим

собой, я вернулся в Одессу. В тамошней филармонии как раз создавался коллектив: огромный оркестр, восемь девушек метр семьдесят ростом и я, ведущий программы. Коллектив и программа назывались «Гамбринус 67». Вскоре мы поехали на гастроль в Среднюю Азию. В поездке и начался наш роман с Викторией Касинской, моей будущей женой. Ей — 17, мне — 27, ее рост — 175 с каблуками, а мой — 159— Но это не имело равным счетом никакого значения. Когда вернулись в Одессу, особых возможностей для встреч не было — оба жили с родителями. Поэтому свидания проходили в парке на лавочке. Осенью, когда становилось холодно, друзья давали нам ключи отдачи...

Уволившись из театра Райкина, я не переставал думать, как вернуться обратно. И вернулся. После того как приехал в Москву и пришел к Райкину на спектакль: «подавай заявление и возвращайся, а то мне все уши прожужжали...» Миша (который в то время был уже завлитом театра), Вита, Тамара Кушелевская, Рома, жена Райкина, навалились на него — и Аркадий Исаакович дрогнул!

На фото слева направо: в верхнем ряду — Роман Карцев, Олег Марусев, Клара Новикова, Виктор Ильченко; внизу — Михаил Жванецкий, Александр Филиппенко, Ефим Шифрин

В Ленинграде мы все трое — Витя, Миша и я — в ожидании квартир как-то налаживали свой быт. Я очень скучал по Вике — у нас первые годы вообще был «роман по переписке». Я писал ей: «Недавно сварили с Витькой зеленый борщ! Сами! Витька отравился. Но не сильно... Нас хотели выселить из гостиницы, но не нашли. Когда за нами приходили, мы прятались в шкаф. Витька чуть не задохнулся. И нас оставили в покое... По-прежнему варим. Я, например, уже умею варить чай, кипяченое молоко, манную кашу, вермишель, бульон из потрошенной курицы. Но в основном они меня, паразиты, заставляют мыть посуду. Это я делаю великолепно. Если не считать того,

Я писал Вике: «Сварили зеленый борщ! Сами! Витька отравился. Но не сильно... Нас хотели выселить из гостиницы, но не нашли...»

что пять тарелок уже разбил, а остальные треснули...»

Наша личная жизнь проходила на глазах друг у друга. Я, например, знал почти всех девушек Жванецкого, знал и его первую жену. Почти все они были высокие и красивые. Последняя тоже высокая, красивая... Помню, сидим в Ле-

нинграде в гостиничном номере, Миша заказал телефонный разговор с Москвой. Через пару минут соединили: «Москву вызывали?» — «Да, да...» — «Кого к телефону?» Миша: «Наташу... Нет, нет! Э-э, Светлану, э-э, Зою, э-э... Снимайте заказ! Тыфу ты! По-моему, она Вера!..»

В Ленинграде одно время мы жили

полгода в гостинице «Киевская», она была нашим домом и там нас все знали. Однако вечно пьяный швейцар обязательно проверял документы и не пропускал к нам девушек, пока не сунешь ему в лапу трешку.

Каждый раз, когда мы появлялись в женском обществе, вслед несло: «В одиннадцать проводите гостей!» (Кстати, все дежурные в гостиницах почему-то были женами или военных, или милиционеров.) Сколько же способов мы изобрели, чтобы провести подружек! Знали все запасные выходы, проходы через ресторан, кухню. Бывало, один заговаривает зубы дежурной, заслоняя коридор, а в это время другой, заранее открыв номер, проводит барышень.

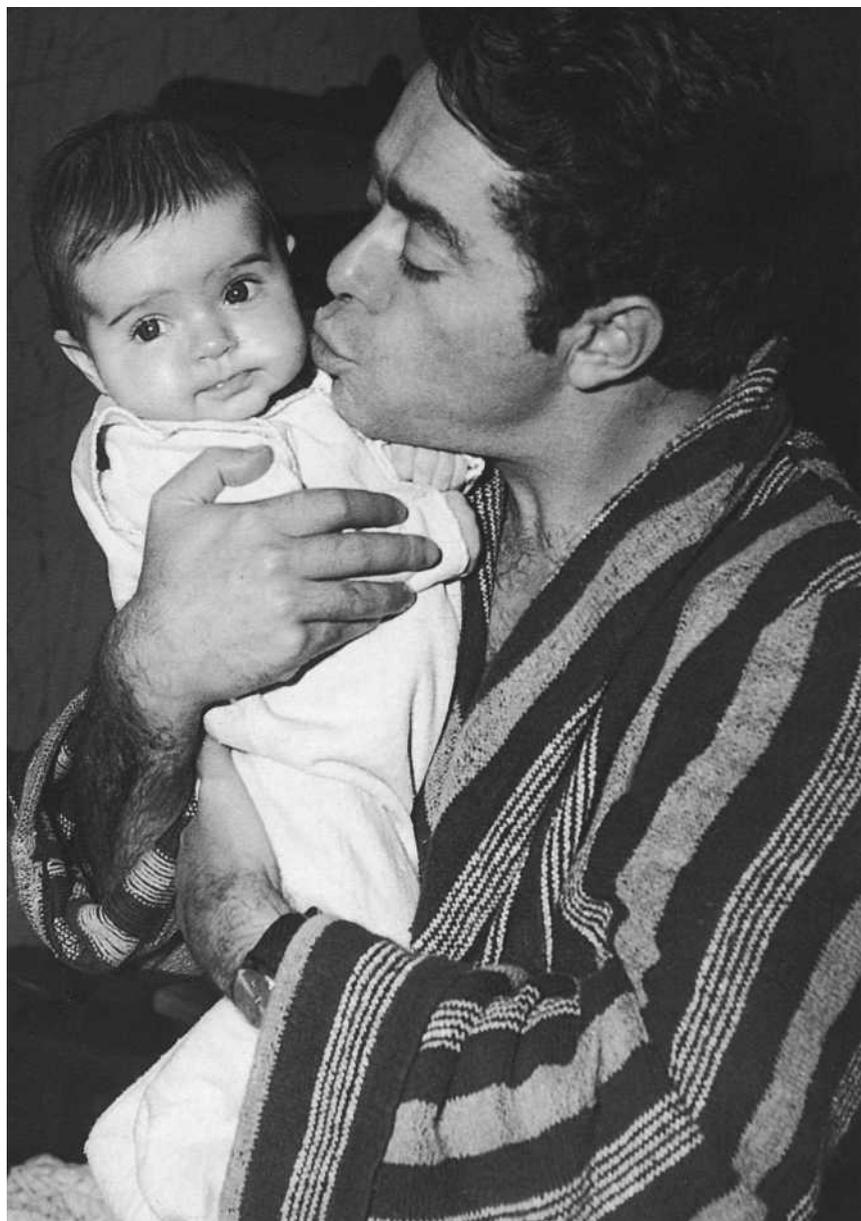
И вот наконец Миша получил в Ленинграде однокомнатную квартиру на улице генерала Симоняна, а я — 18-метровую комнату в этом же доме. Моим соседом был радиоинженер театра по фамилии Кавно. Витя с женой и ребенком ждал двух- или трехкомнатную. В это время Аркадий Исаакович уволил группу пантомимы Гри-Гура за самовольные выступления и пригрозил нам: «Вас ждет та же участь!» Следующим за самовольное чтение своих произведений во Дворце искусств был уволен Миша. Готовилась акция и против нас с Витей, но предстояли гастроли в Польше, и нас скрепя сердце оставили. В Польше к нам примкнул Ваня Дыховичный, молодой красавец с кучей денег и жадной приключений. Напротив нашего отеля был Дом актера, куда мы часто заходили и где выпивали и угощали польских актрис. Все наши выступления и творческие встречи заканчивались вечеринками с паненками. С женщинами мы общались открыто, и это жутко раздражало весь театр. Нас вызвал к себе директор: «По приезде подавайте заявления об уходе!» И мы с Витей снова вернулись в Одессу, где проработали последующие восемь лет. Миша Жванецкий жил то там, то здесь — то в Ленинграде, то в Одессе у мамы...

— Чем вы занялись в Одессе?

— Мы создали свой театр миниатюр и начали репетировать спектакль «Как пройти на Дерибасовскую?..» Вскоре нас пригласили на гастроли в Ростовскую область. Администратор Ростовской филармонии вывешивал афиши, где было приписано: «Эти артисты работали с

Райкиным». Но залы все равно были пусты. И какие залы! Красные уголки заводов, сельпо... Жванецкому кричали: «Выучи текст!..» Мы объясняли, что он — автор всех наших текстов и текстов Райкина, без толку. А программа тогда состояла сплошь из шлягеров: «Авас», «Экзамен», «Дедушка», «Город», «Полотенце». «Да, — печалился администратор, — жаль, что вы не поете и не танцуете, вот на лилипутов идут...» В конце поездки неожиданно пришел вызов в Москву на конкурс артистов эстрады. В столице Витя и Миша тут же куда-то убежали, а я остался повторять текст, написанный Жва-

нецким для комиссии, под названием «Не гаснуть!» (между собой мы его называли «Не тухнуть!»). Эта миниатюра имела просто ошеломительный успех на конкурсе, мы получили вторую премию (первую не дали никому) и двести рублей, которые тут же прогуляли в «Арагви». Через несколько дней состоялся заключительный концерт, который транслировали по телевидению. После того как нас показали на всю страну, произошел настоящий обвал — приглашения на гастроли посыпались как из рога изобилия. Мы сразу же поехали в Крым. Первый концерт был в Каче — это база

Мои дети выросли практически без отца, я все время пропадал на гастролях (на фото — с дочкой)

военных моряков. Зал жуткий, микрофон чудовищный, свет в зале периодически гаснет, публика полупьяная. Играли «Как пройти на Дерибасовскую?..» После концерта директор филармонии в сильном подпитии поинтересовался: «Ну, и как же туда пройти?..» Я пошутил: «А вы идите, и она вас там пересечет». «Да! — икнул директор. — Чтобы ноги вашей завтра в Крыму не было!..» Вступился за нас администратор из Севастополя.

Наш театр был прикреплен к Одесской филармонии, там мы получали зарплату. В филармонии в то время служили легендарные личности. Например, контролер — бессмертная мадам Гризоцкая восьмидесяти лет, которая уже ничего не

видела. Ей говорили: «Мадам Гризоцкая, идите уже на пенсию!» На что она отвечала: «Я умгу на контроле...» Или уборщица Маня — если ей приспичивало мыть пол, она выгоняла со сцены симфонический оркестр. Как-то после спектакля Маня подошла ко мне и заметила: «Вы неплохой артист, товарищ Карцев, но слишком пересаливаете лицом...» А главный администратор — Дмитрий Михайлович Козак!.. Подходит к филармонии автобус с артистами, они радостно сообщают: «Дмитрий Михайлович, мы прибыли!» В ответ он сетует: «Какие прибыли! Одни убытки!..» Козак делал маникюр, много пил (при этом лично я никогда не видел его пьяным) и был до омер-

зения брезглив. Обедая в гостинице «Красная», приходил на кухню, показывал повару, какой кусок мяса ему отрезать, и не отходил, пока это мясо жарили. Однажды Козак мне рассказывал: «Рома, меня вызывали на чистку, говорят: «Дмитрий Михайлович! Вы тридцать лет в партии, руководите таким уникальным культурным заведением, как Одесская филармония, и при этом не ходите на политзанятия. Какой пример вы подаете молодежи?» Так я им говорю: «Учение Маркса вечно?» Они соглашаются: «Вечно!» Я говорю: «Так я еще успею!..»

В Одесском театре миниатюр работал уникальный артист — Исай Котляр. Без паспорта, без диплома — бросил режиссерский факультет ленинградского института, на четвертом курсе не пошел сдавать историю КПСС. У него был единственный костюм — театральный. Мы подарили ему махровый халат, и Исай валялся в нем на гостиничной койке, смотрел первомайский парад и жутко хохотал от лозунгов: «Да здравствуют советские швейники! Слава КПСС! Ура!» Однажды в Москве идем мы с ним по длинно-

«Выходит, вы юмор понимаете лучше меня? — спросил Райкин. «Выходит, так!...» — ответил я и подал заявление об уходе

Лучшей своей работой в кино я считаю роль Боярского в фильме Аленикова «Биндюжник и Король». На съемках с Джигарханяном и Гердтом...

Так, как готовит Вика, в Москве не готовит никто — она умеет и любит принимать гостей

му коридору в гостинице «Россия». Вдруг Когляр бросается в сторону первого попавшегося номера и начинает барабанивать в дверь с криком: «Хенде хох! Гестапо!» Я говорю: «Исай, кончай, могут не понять...» А он: «Гестапо! Шнель!» Вдруг открывается дверь, и на пороге появляются два перепуганных немца, из ГДР, в форме, смиренные такие. Отвечают: «Яволь!», Исай пулей рванул по коридору, и мы долго не могли его найти...

Нам разрешали играть только одно отделение, а в нагрузку давали (сейчас это называется «группа разогрева») Пугачеву, Ротару, Богатикова, в то время еще малоизвестных. Первый концерт с Аллой и ансамблем Слободкина проходил в зале «Октябрь». Пугачеву мы видели впервые и простояли за кулисами все первое отделение. Она работала на жуткой болгарской аппаратуре: вышла, начала петь, публика вялая, аппаратура хрипит, наконец с легким дымком выключается. В зале свист, Алла в бешенстве говорит: «Буду петь без микрофона...», а зал совершенно глухой, без акустики. Она попробовала — ничего не получается, ушла за кулисы и расплакалась. Вернулась на сцену, пробует один микрофон, другой: «Раз, раз, раз... — и в сердцах: —... твою мать!...» В этот момент мик-

рофон включился. Алла и плачет, и смеется, но зал ее после этого хорошо принял...

— А как у вас возникла идея перебраться в Москву?

— Это идея Вити Ильченко. Я сначала был против, но после запрета играть миниатюру «Собрание на ликероводочном заводе» я понял, что Витя, как всегда, прав. Он уже вел переговоры с Театром миниатюр в саду Эрмитаж, где главным режиссером был Рудольф Рудин (пан Гималайский из «Кабачка «13 стульев»). Жизнь снова пришлось начинать с нуля. А это 1979 год, накануне Олимпийских игр, и добиться в Москве квартиры, даже кооперативной, было очень сложно. В Одессе у меня осталась жена с сыном и дочкой, которых из-за постоянных гастролей и переездов я практически не видел. Из-за того что я всегда занят, вечно в разъездах, мы с Викторией даже свадьбу сыграли впопыхах, не готовясь заранее. Дело было в Ленинграде, из приглашенных — всего 12 человек, и в загс мы с Викторией ехали на поливальной машине, потому что очень опаздывали. К праздничному столу был гусь, да такой огромный, что не влезал в духовку, и Витя Ильченко запихивал его туда ногами, руками при этом упираясь в стенку.

Жильем в Москве мне удалось обзавестись благодаря Иосифу Кобзону. Иосиф был вхож во все инстанции и помогал многим артистам. Он вместе со мной и Витей пошел в Моссовет к Коломину. В результате дело сдвинулось с мертвой точки и нам предложили одну трехкомнатную квартиру на первом этаже на Профсоюзной. Стоила она 12 тысяч старых рублей. Мы с Витей решили бросить жребий. И я, которому в жизни не везло ни в каких лотереях, выиграл! Правда, через полгода Витя тоже въехал в такую же квартиру на первом этаже в этом же районе. Я сделал ремонт, купил мебель и перевез семью. У нас в доме всегда было много народу — жена умеет и любит принимать гостей. Так, как готовит Вика, в Москве не готовит никто! Жили мы рядом с магазином «Морозко», где продавали замороженные фрукты, из которых Вика готовила превосходные вареники с вишней и торт «Клубничный». Связи в

образ Швондера был мне хорошо знаком — в театре у Райкина я когда-то исполнял монолог Жванецкого, в котором от лица работника культуры «долбал» спектакль... Съемки назначили на одиннадцать утра, но режиссер попросил явиться к девяти. Я человек болезненно обязательный, за что и расплачиваю всю жизнь, прихожу ровно в девять — на дверях замок. Никого. Через полчаса прибегает помреж: «Что, еще никого?» — удивляется. «А как же я?» — спрашиваю. — «Не волнуйтесь, сейчас все подойдет, а пока айда в буфет кофе пить...» Через пятнадцать минут побежали проверять. Никого. Еще через полчаса появляется заспанный оператор: «Роман, время еще есть, пойдем выпьем кофе». Сидим пьем, прибегает помреж: «Пошли костюм надевать!» Приходим к костюмерше, та возмущается: «Здравствуйте, Рома! Зачем ты его привела? Я еще не готова. Романчик, пойдите попейте кофе...» В общем, съемки начались только в два...

Один одессит спрашивал меня: «Что слышно в Москве? Зачем ты уехал? Мы что, тебя обидели? Ты испортил себе жизнь...»

магазинах были самые прочные: меня уважали... Я приходил с заднего хода, пара анекдотов — и отбивные! Пара билетов на концерт — и подписные издания, немного обаяния — и болгарская мебель.

И вот, когда мы стали репетировать в театре миниатюр новый спектакль в постановке Михаила Левитина «Харм! Чарм! Шардам!», у Вити на генеральной репетиции случился инфаркт. Затем второй, и он на полгода выбыл из жизни. Потом Витя вернулся в театр, хотя врачи и запретили ему играть (он даже давал желающим консультации по выходу из инфаркта). Но в театре начались какие-то склоки, наш жанр не вписывался больше в текущий репертуар (хотя девять лет все было иначе), мы обиделись и ушли в Росконцерт.

Работать приходилось очень много, потому что стали приглашать сниматься в кино. Позвонили мне как-то из Ленинграда с предложением сыграть Швондера в фильме Владимира Бортко «Собачье сердце». (Лет тридцать назад я прочел булгаковскую повесть в самиздате и был потрясен.) Когда начались съемки, у режиссера была ко мне одна просьба — «не пересаливать лицом». Но игралось легко,

Лучшей своей работой в кино я считаю роль Боярского в фильме Владимира Аленикова «Биндюжник и Король». Бабель, Одесса, блестящий актерский состав — Тania Васильева, Гердт, Джигарханян, Евстигнеев. Это мюзикл, где все пели своими голосами. Съемки шли на Молдаванке, во дворе, где бегали куры, стояла лошадь, висело белье. Железная лестница вела на второй этаж, там мы гримировались, ели, отдыхали, разговаривали, больше всего с Гердтом — он очень любил Одессу. Молдавский двор нам сдавал один дядечка, лысый как мяч. Каждые пять минут он меня спрашивал: «Ты уже кушал? Что тебе дать? Что слышно в Москве? Зачем ты уехал? Мы что, тебя обидели? Ты испортил себе жизнь!»

Как-то звонит мне Эльдар Рязанов: «Не хотите сняться в моем фильме «Небеса обетованные?» — «Хочу!» — «Завтра приходи съенарий». — «Не надо, я согласен...» В «Небесах» я сыграл небольшую роль трогательного обаятельного еврея Соломона. На съемках мне очень помогали партнеры — Вячеслав Невинный и Валентин Гафт. Гафт, кстати, патологически самокритичен. Послушать его, так все плохо: сценарий скверный, свет не-

хорош, мизансцены никакуда не годятся, грим тоже, а сам он играет хуже некуда... После премьеры я шутя сказал Гафту: «Валя, ты был прав — все плохо...» Он нагнулся ко мне и прошептал: «Ты что, старик! Отличный фильм!..» И после паузы: «Ая хуже всех...»

В 1992 году не стало Вити Ильченко. Ему было 55. До последнего дня он старался держаться, говорил друзьям, что у него всего лишь гастрит, но доктора уже были бессильны помочь...

— Проработав столько лет вместе, вы оставались совершенно разными...

— Мы отличались во всем: я регулярно скандалил с режиссерами, ставил в тупик партнеров, поскольку неимоверно много и часто импровизировал не туда. Витя все это терпел... Он всегда сначала думал, потом соображал, затем отвечал. Он был очень умен, наш Витя. Когда мы с Мишей Жванецким танцевали с барышнями, он обычно сидел в углу и читал. Мы прожили вместе 30 лет, и оба успели за это время заочно закончить ГИТИС (начала Витя закончил с красным дипломом Институт инженеров морского флота), получить дипломы артистов театра и кино, а также несколько выговоров. Мы сделали вместе тринадцать спектаклей, 500 миниатюр Жванецкого... Перед новым 1992 годом поехали на гастроли в Киев, и там Витя в последний раз вышел на сцену переполненного дворца спорта....

После смерти Вити мне предлагали партнерство прекрасные артисты, но я не соглашался — другие глаза, другие интонации, другое чувство юмора. И тогда появился спектакль «Моя Одесса», сделанный из миниатюр Жванецкого разных годов. Этот спектакль я посвятил памяти Вити... Потом появился «Престарелый сорванец» — юбилейный спектакль о себе, о моем отце, о женщинах, об одиночестве... На сцене — только вертящееся кресло, свет и музыка из кинофильмов Чаплина. Последний спектакль, который я еще не играл в Москве, называется «Зал ожидания». Его для меня написал Семен Альтов. Я впервые буду играть не Жванецкого... Но, как говорят, Альтов в моем исполнении стал похож на Жванецкого, я их сблизил. Когда-то давно я играл свой первый моноспектакль «Шут гороховый», где были перемешаны Чехов, Зоценко, Шолом-Алейхем и Жванецкий. Чехова принимали за Жванецкого и удивлялись: «Надо же, как Миша написал!..» Мы же со Жванецким 40 лет вместе. Но теперь я без Вити. И мне трудно. Старый клоун — это безумно смешно и очень грустно...

Беседовала Юлия Ушакова

После смерти Вити мне предлагали
партнерство прекрасные артисты,
но я не соглашался — другие глаза,
другие интонации, другое чувство юмора

